

ОСОБЕННОСТИ ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТОВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

В статье описываются особенности функционирования грамматических и лексико-семантических маркеров времени в прозаических текстах. Способы репрезентации категории времени представлены в виде целостных систем со сложной, иерархизированной структурой, обладающих прогностическим потенциалом.

Ключевые слова: текст, категория времени, временные маркеры, система.

Время признается одной из основных текстовых категорий в исследованиях, посвященных изучению структуры и функционированию текста. Так, в лингвистике текста исследуется роль маркеров времени «в организации структурного и смыслового единства текста» [10: 6]. В лингвосинергетике время признается базовой характеристикой *структуры* текста, изучаемой с позиций физической длительности [4, 8]. Центральным конструктором проблемного поля, сформировавшегося вокруг изучения временной организации художественного текста, являются понятия «хронотопа», обозначающего «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений» [2: 234] и «континуума» [6: 87]. Многоаспектность подходов к текстовому времени свидетельствует о необходимости различать в тексте художественное время, физическое время протекания текста и перцептуальное время читателя, а также систему грамматических и лексико-семантических средств (распределенных в физическом времени текста) выражения временных отношений, служащих одновременно и средствами межфразовых связей, и средством создания художественного времени текста.

Задача данной работы состоит в том, чтобы установить соотношение грамматических и лексико-семантических репрезентантов категории времени, выявить закономерности функционирования каждого типа маркера в тексте, а так же с помощью статистических методов выявить основные стратегии временной организации прозаических произведений.

Материалом исследования послужила выборка художественных текстов общим объемом 30374 словоформ, состоящая из 300 текстов В. Бианки, С. Георгиева, Л. Енгибаряна, М. Пришвина, И.С. Тургенева, Д. Хармса. Основным требованием, предъявляемым к материалу, был не-

большой объем произведения, так, средняя длина текстов данной выборки – 101 словоформа. Подобные тексты в классификации А.Ю. Корбут называются минитекстами [8: 52]. Их преимущество состоит в том, что небольшой объем позволяет использовать их в качестве материала в эксперименте (на этапе верификации результатов) для предъявления информантам. Кроме того, применение текстов данного объема делает возможным рассмотрение в рамках исследования большего числа текстов.

На первом этапе нашего исследования по результатам анализа материала мы выделили 29 способов (параметров) репрезентации категории времени в тексте, которые можно распределить в группы. Признаком, объединяющим параметры в блоки, стала их *принадлежность к лексико-семантическому или грамматическому способу репрезентации данной категории*. Мы не будем приводить полную классификацию способов выражения времени, используемую в нашем исследовании. Ее можно найти в другой работе [9: 96]. Здесь мы представим только основные результаты качественного и количественного анализов материала.

Основным способом репрезентации категории времени многими лингвистами признается система временных форм глагола изъявительного наклонения [5, 11, 12, 13]. В рассматриваемой выборке художественных текстов количество временных форм глагола составляет 62,87% от всех маркеров темпоральности, что подтверждает мнение о том, что именно эти формы являются главными выразителями категории времени. В анализируемом материале доминантным способом выражения темпоральности выступили формы прошедшего времени (43,3% от общего числа репрезентантов категории времени данной выборки), которые устойчиво преобладают над настоящим (15%) при

низкой употребляемости будущего времени (4,5% случаев).

Одним из наиболее востребованных способов выражения времени являются временные наречия, поскольку в 10,7% случаев они выступили репрезентантами исследуемой категории. Достаточно высокая представленность наречий связана с приспособленностью их категориального содержания для выражения временных отношений, передачи различных семантических оттенков, характеристики по отношению к прошлому, настоящему и будущему.

Итак, общее количество способов выражения категории времени, относящихся к грамматическим средствам языка, составило 72,3%, что значительно превышает количество лексико-семантических репрезентантов, употребление которых в рамках выборки прозаических текстов – 27,7%. Очевидно, что при создании художественных текстов грамматический способ репрезентации времени более востребован.

По каждому из 300 текстов исследуемой выборки были получены количественные данные способов репрезентации (по всем 29 параметрам) категории времени в тексте. В результате нами была составлена таблица, состоящая из 301 столбца. В первом столбце расположились 29 параметров репрезентации категории времени; в остальных – числовые данные представленности того или иного параметра (из 29 возможных) по каждому исследуемому тексту.

Табличные данные подверглись статистической обработке. Был осуществлен факторный анализ – статистическая процедура, позволяющая выделить из общего множества переменных (в нашем случае это 300 текстов рассматриваемой выборки) разные их подмножества, коррелирующие между собой и независимые от других переменных. Принцип, лежащий в основе образования подмножества коррелирующих между собой переменных из множества всех переменных, называется фактором (более подробно о факторном анализе см. [7]).

В ходе факторизации анализируемых стихотворений было выделено 2 группы текстов, для каждой из которых характерна общность способов выражения времени. В первый фактор вошли 230 текстов (76,6% от общего числа текстов), ко второму фактору относятся 59 текстов (19,6%). 96,2% – общее число текстов, вошедших в два выделенных фактора. 11 текстов (3,8%), являющихся текстами смешанного типа (в них не наблюдается использование строго

определенных структурных временных кластеров), не вошли ни в один из двух факторов.

Следующим этапом нашего исследования стал корреляционный анализ взаимосвязи временных параметров внутри каждого фактора (группы текстов, имеющих схожие распределения параметров репрезентации времени). Для этого мы отобрали тексты, относящиеся к одному из двух факторов, и с помощью программы «Statistica» построили матрицу корреляций (по Пирсону) для всех 29 параметров друг с другом в рамках каждого из двух факторов. В силу того, что в исходной таблице количество категорий равнялось 29, размер матрицы корреляций составил 29×29 . В каждой ячейке был помещен коэффициент корреляционной связи между двумя категориями. Данный коэффициент отражает силу и направленность установленной корреляционной связи. Положительное значение коэффициента свидетельствует о сходной и однонаправленной динамике изменений категорий, отрицательное – о противоположности и разнонаправленности их изменений. Величина коэффициента корреляционной связи является показателем ее значимости и силы (подробнее об этом см. [7]). Корреляционный анализ позволяет осуществить моделирование способов репрезентации категории времени в текстах каждого фактора как целостной системы (парадигмы), обладающей сложной, иерархизированной структурой.

После статистической обработки данных было установлено, что корреляционная активность категорий в текстах каждого из двух факторов различна. Например, в первом факторе из 29 параметров значимой активностью обладают 14, тогда как в текстах второго фактора активен 21 способ выражения времени. Активность категории определяется ее валентностью и силой корреляционных связей между категориями.

Под валентностью параметра понимается количество корреляционных связей, образованных им с другими параметрами. Например, на рисунке 1 компонент системы *пр. + сущ. (сема времени)* вступил в корреляционную связь с параметрами *праздник* и *месяц*, т.е. образовал две корреляционные связи, следовательно, валентность этого параметра – 2.

Сила корреляционных связей между параметрами – это величина показателя каждой корреляционной связи, она говорит о количестве комбинаций, где данная связь маркируется как значимая. В рамках нашей работы силь-

ной мы считаем связь, имеющую показатель, превышающий 0,6; средней – с показателем более 0,5; слабой – менее 0,5.

Данные корреляционного анализа взаимосвязи временных параметров внутри каждого из выделенных факторов были представлены в виде графосемантических моделей (метод разработан К.И. Белоусовым и Н.Л. Зелянской), которые представляют способы выражения времени в виде «системы, в которой каждый из компонентов имеет четкую иерархическую и топологическую определенность по отношению к другим компонентам и всей системе в целом» [3, 4]. Преимуществом представления структуры временной организации художественных текстов в графической модели является то, что «все элементы структуры даны в ней одновременно и иерархические зависимости, связи между элементами, а так же сила и актуальность этих связей приобретают дополнительный прогностический потенциал» [3: 40].

На рисунке 1 представлена система способов выражения категории времени в текстах первого фактора, состоящая из 14 компонентов. Группа грамматических выразителей времени составляет 35,7% данной модели и включает в себя 5 маркеров: *настоящее время, прошедшее время, краткое и полное причастие, предложная конструкция с семой времени*. К лексико-семантическим репрезентантам относятся 9 параметров: *временное наречие; название месяца; времени года; части суток; дня недели; название временных единиц и их частей; существительные, обозначающие возрастной период или период развития; прилагательные со значением длительности и обозначающие расположение события во времени*. На эти маркеры приходится 64,2% модели 1.

Наибольшим числом корреляционных связей обладают компоненты *прошедшее время* (5) и *название части суток* (6), вокруг которых группируются другие члены рассматриваемой системы, поэтому можно говорить о дискретизации, степень которой здесь достаточно велика.

Примечательно то, что 4 из 5 грамматических маркеров располагаются в одной подсистеме, ядром которой выступает *прошедшее время*. Между ними наблюдаются слабые корреляционные связи. Очевидно, что для формирования временного плана художественных текстов большей значимостью обладает именно прошедшее время, характерное для повествования, но и настоящее время имеет свою долю в созда-

нии художественных образов. Оба эти параметра коррелируют с *временными наречиями*. Данная связь может объясняться синтаксической ролью наречий в русском языке, которые дают временную характеристику действию, поэтому соответствуют по значению глагольной категории.

Обратим внимание на тот факт, что из трех существующих в русском языке временных форм глагола, в настоящей модели нашли отражение только *настоящее и прошедшее время*. Интересно, что параметры *часть суток, месяц, время года* связаны друг с другом. Все они представляют разномасштабные семантические сегменты: «Суточный круг», «Месячный цикл», «Годовой круг». На рисунке видно, что *часть суток* является наиболее активным компонентом данной группы, и это заставляет нас думать, что названия разных периодов суточного цикла имеют большее значение для создания в тексте действительности, отражающей окружающую автора внетекстовую реальность.

Параметр *месяц* связан с грамматическим маркером *прошедшее время*, что в конкретных контекстах, возможно, необходимо для установления временных границ совершения действий, названных глаголами в форме прошедшего времени. Кроме того, *месяц* является связующим звеном между компонентами *часть суток* и *время года*, что отражает соотношение темпоральных отрезков естественных временных циклов.

Параметр *возраст*, который составляют наименования, связанные с возрастной стратификацией, здесь выступает тупиковым компонентом, так как имеет только одну корреляционную связь с ядерным элементом *часть суток*. Возраст является неким инструментом измерения «Жизненного цикла». Определенный возраст, достигаемый человеком, – это своего рода некоторый момент человеческой жизни во времени.

Часть суток – компонент, связанный корреляционными связями с большим числом параметров (валентность 6). Он выступает в роли ядерного компонента подсистемы, в значительной мере, состоящей из лексико-семантических параметров, между которыми установлены фоновые (слабые) связи. Сильная корреляция связывает только ядро подсистемы *часть суток* и грамматический параметр *предложную конструкцию с семой времени*, который, в свою очередь, связан с двумя тупиковыми компонентами *временная единица* и *день недели*. Языковое

наполнение данной предложной конструкции предполагает наличие в ее составе существительного, доминантным значением которого является темпоральное значение. Возможно, чаще всего в данных конструкциях участвуют слова, обозначающие некий временной отрезок, период времени, чем являются и *временные единицы*, и *дни недели*, и *части суток*. Но для лексем, называющих части суток, более традиционным является употребление в форме творительного падежа без предлога, когда они функционируют в качестве обстоятельства времени, выраженного наречием («*Дня через два после этого утром на полу появилось сразу три утенка*» (М. Пришвин «*Изобретатель*»). Мы учитываем отнесенность подобных слов одновременно к двум способам выражения времени: по принципу принадлежности к частям речи это – темпоральные наречия, с семантической точки зрения они называют некоторую часть суток. Это объясняет временной кластер *временное наречие – часть суток (утром, вечером)*, который является одним из наиболее востребованных темпоральных кластеров русского языка. Самым частотным кластером выступает корреляция *предложная конструкция с семой времени – название временных единиц и их частей*, также присутствующая в модели 1.

Можно предположить, что природа многочисленных корреляций, установленных между лексическими маркерами, объясняется следующим. Во-первых, лексико-семантические средства представлены в нашей классификации более детально, т.е. их число больше чем количество грамматических способов, поэтому вероятность установления корреляционных связей между ними более велика. Во-вторых, лексические маркеры, представляя временную ситуацию в деталях, выступают в тексте в качестве конкретизаторов времени. Модель 1 использовалась для создания 230 текстов, что составило 76,6% от общего числа произведений, послуживших материалом нашего исследования.

На рисунке 2 изображена система, состоящая из 21 компонента, из которых 9 (42,8%) являются грамматическими маркерами категории времени: *прошедшее время, настоящее время, будущее время, полное причастие, краткое причастие, временной союз, временные формы модальных глаголов, предложная конструкция без семы времени, предложная конструкция с семой времени*. 12 компонентов (57%) относятся к лексическому способу выражения рассматриваемой ка-

тегории: *название праздника, месяца, времени года, временных единиц и их частей*, а так же *глаголы, содержащие сему темпоральности, прилагательные, обозначающие длительность временного периода, и прилагательные, имеющие не прямое временное значение, временные наречия*.

Очевидно, что модель 2 более сложная, чем предыдущая. Она лежит в основе временной организации 59 текстов, что составляет 19,6% исследованной выборки. Данная модель имеет высокую степень дискретизации, обнаруживая в своем составе несколько локальных ядер, и в то же время, демонстрируя невозможность выделить элемент, который будет функционировать как ядерный компонент всей системы. Рассмотрим параметры, имеющие наибольшее количество корреляционных связей.

Итак, *прошедшее время* можно охарактеризовать как самый активный компонент системы, так как его валентность – 7. Обычные связи установлены в кластерах *прошедшее время – настоящее время; прошедшее время – временные наречия; прошедшее время – прилагательное, выражающее соотношенность с возрастом*. Это позволяет предположить, что в художественных текстах, созданных по модели 2, компоненты этих временных кластеров функционируют независимо друг от друга. Между *прошедшим временем* и параметрами *полное причастие, название дня недели и неопределенного отрезка времени* мы наблюдаем слабые корреляционные связи, свидетельствующие о незначительной взаимозависимости этих компонентов.

Примечательно, что в модели 2 находят отражение формы всех трех временных планов русского глагола: прошедшего, настоящего и будущего, хотя, несомненно, лидирующая роль принадлежит прошедшему времени, что определяется повествовательным характером анализируемого материала. Что касается настоящего времени, то, по утверждениям многих лингвистов, оно является беспризнаковой категорией. Р. Якобсон писал, что «настоящее как таковое не определено в отношении времени» [14: 215]. Так, глагольные формы настоящего времени могут транспонироваться во временные планы прошедшего и будущего времени, а в своем основном значении легко сочетаются с показателями прошедшего и будущего времени, демонстрируя связь настоящего с соответствующими временными планами.

Человек как активный действующий субъект обращен к будущему – «в модель жизни

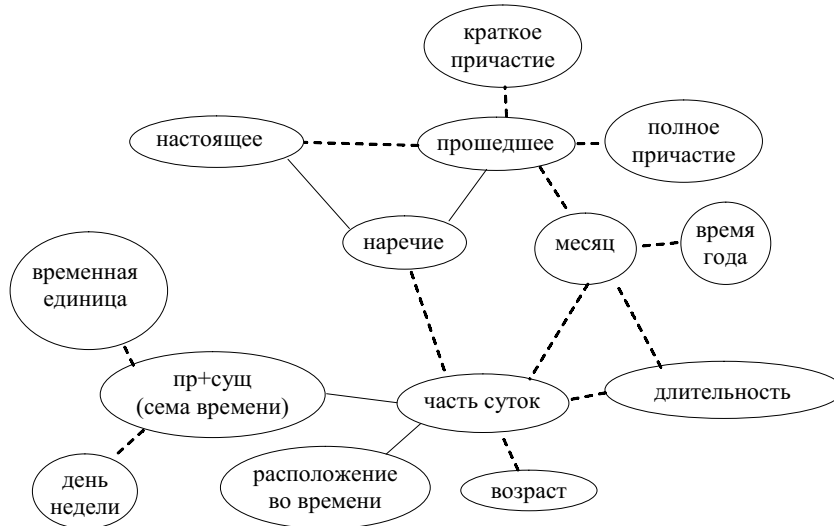

Рисунок 1. Графосемантическая модель способов выражения категории времени в текстах первого фактора

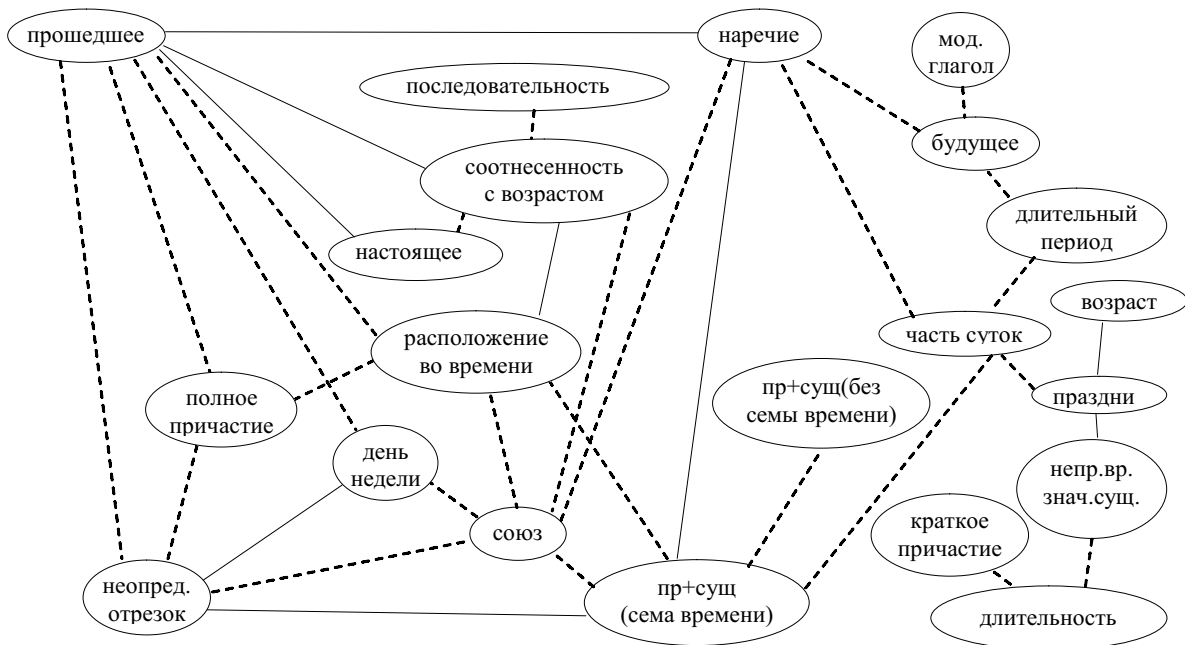

Рисунок 2. Графосемантическая модель способов выражения категории времени в текстах второго фактора

Примечание. На рисунках 1, 2 используются следующие обозначения: настоящее время – настоящее; прошедшее время – прошедшее; будущее время – будущее; глаголы, содержащие сему времени – лексич. знач. глагола; предложные конструкции без семы времени – пр + сущ (без семы времени); предложные конструкции с семой времени – пр. + сущ. (сема времени); временные союзы – союз; наречия со значением времени – наречие; названия временных единиц и их частей – временная единица; названия неопределенных отрезков времени – неопределенный отрезок времени; названия частей суток – часть суток; названия месяцев – месяц; названия дней недели – день недели; названия праздников – праздник; прилагательные, выражающие длительность временного отрезка – длительность; прилагательные или порядковые числительные, выражающие длительность временного отрезка – длительность; прилагательные, выражающие последовательность временных отрезков – последовательность; прилагательные, выражающие расположение во времени – расположение во времени; прилагательные, выражающие соотношенность с временным отрезком другого порядка – соотношенность с другим порядком; прилагательные, выражающие соотношенность с возрастом – соотношенность с возрастом; прилагательные, не имеющие прямого временного значения – не прямое вр. знач. прил.; слова, обозначающие возрастной период или период развития – возраст; название времен года – время года; названия длительных временных периодов по отношению к данному моменту – длительный период. Пунктирными линиями отмечены слабые корреляционные связи (коэффициент достоверности от 0,5 до 0,4). Обычными линиями обозначены средние связи (коэффициент достоверности от 0,5 до 0,6); жирными линиями обозначены сильные связи (коэффициент достоверности более 0,6).

вошло целеполагание», а «движение к цели есть движение в будущее» [1: 59], следовательно, для текста, как процесса и результата человеческой деятельности, употребление грамматических форм всех трех времен вполне естественно.

Параметры *прошедшее время* и *будущее время* связаны компонентом *временное наречие*, основной позицией которого является его сочетаемость с глаголом. По мнению А.М. Пешковского, природа наречия как части речи синтаксична и раскрывается в прилагательном употреблении [11: 33]. Маркер *временное наречие* обладает достаточно высокой степенью активности – валентность 5. Такое же количество корреляционных связей наблюдается у компонентов *название неопределенных периодов времени; прилагательные, обозначающие соотношенность с возрастом и расположение во времени*.

Вторым по количеству связей в данной модели выступает грамматический параметр *временной союз* (валентность 6), в значительной мере коррелирующий с лексическими маркерами. Отметим, что кластеры *союз – прилагательные, обозначающие соотношенность с возрастом; союз – прилагательные, обозначающие расположение во времени; союз – день недели* реализовались только в данной модели. Функционирование корреляционных пар: *союз – предложная конструкция с семой времени; союз – наречие; союз – название неопределенного временного отрезка* в системе способов репрезентации категории времени русского языка было установлено дважды, включая рассматриваемый случай. Это говорит о том, что шесть вышеупомянутых темпоральных кластеров не являются закономерными способами выражения времени в русском языке.

Внимание привлекает тот факт, что в модели 2, как и в рассмотренной выше модели 1, параметр *часть суток* выполняет функцию локального ядра, выступая одновременно посредником между двумя частями системы. Валентность 4 свидетельствует о четырех корреляционных связях, 2 из которых (*часть суток – на-*

речие; часть суток – предложная конструкция с семой времени) характерны как для данной модели, так и для системы способов выражения времени, представленной на рис.1. Темпоральные маркеры, расположенные в этой части модели, не формируют подсистемы, так как большинство из них связаны лишь с соседними компонентами. Кроме того, большинство установленных связей являются фоновыми, что говорит о незначительной степени взаимообусловленности коррелирующих параметров.

Итак, мы установили, что в сфере художественной прозы существуют две основные стратегии реализации категории времени в тексте, каждая из которых имеет свойственные ей особенности, а так же отражает закономерные черты функционирования всей системы способов выражения времени в прозаических текстах. Использование метода графосемантического моделирования позволило представить способы репрезентации времени, характерные для каждого из двух факторов, в виде лексико-грамматических моделей, которые обладают прогностическим потенциалом, так как дают возможность предсказать появление в тексте того или иного способа выражения времени в зависимости от реализации других компонентов временного кластера.

Общее количество способов выражения категории времени, относящихся к грамматическим средствам языка, составило 72,3%, что значительно превышает 27,7% лексико-семантических маркеров. Очевидно, что при создании художественных текстов грамматический способ репрезентации времени более характерен. Наблюдается взаимосвязь между грамматическим и лексико-семантическим способами выражения времени: при увеличении числа грамматических компонентов системы, в ней так же увеличивается количество лексико-семантических репрезентантов времени, что, способствуя установлению новых корреляционных связей, усложняет систему способов выражения категории времени.

18.04.2011

Список литературы:

1. Арутюнова, Н.Д. Время: модели и метафоры [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык и время. – М., 1997. – С. 51–61.
2. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975. – С. 234–407.
3. Белоусов К.И., Зелянская Н.Л. Применение метода графосемантического моделирования в лингвомаркетологии / К.И. Белоусов, Н.Л. Зелянская. – Вестник ОГУ. – 2005. – №8. – С. 40–46.
4. Белоусов, К.И. Текст: пространство, время, темпоритм: монография / К.И. Белоусов. – Новосибирск: Сибирские огни, 2005. – 248 с.
5. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Высш. шк., 1972. – 616 с.
6. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 2-е / И.Р. Гальперин. – М.: Едиториал УЗСС, 2004. – 144 с.

7. Глас Дж., Стенли Дж. Статистические методы в педагогике и психологии / Дж. Глас, Дж. Стенли. – М.: Прогресс, 1976. – 495 с.
8. Корбут, А.Ю. Текстосимметрия: монография / А.Ю. Корбут. – Иркутск: Изд-во ГОУ ВПО «Иркут. гос. пед. ун-т», 2004. – 200 с.
9. Ласица, Л.А. О взаимосвязи временных маркеров в русских текстах [Текст] / Л.А. Ласица // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – №77. – С. 95–101.
10. Лосева, Л.М. Как строится текст / Л.М. Лосева; под ред. Г.Я. Солганика. – М.: Просвещение, 1980. – 94 с.
11. Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. – М., 1956. – 450 с.
12. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова [и др.]. – М.: Наука, 1982. – Т. 2. – 710 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/>
13. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / ТФГ под ред. А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 263 с.
14. Якобсон, Р.О. О структуре русского глагола [Текст] / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М., 1985. – С. 210–221.

Сведения об авторе: **Ласица Любовь Александровна**, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Оренбургского государственного университета, кандидат филологических наук

460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 4106, тел. (3532) 372431, e-mail: lasitsa-la@mail.ru

UDC 81'1 – 112.2

Lasitsa L.A.

Orenburg state university; lasitsa-la@mail.ru

PECULIARITIES OF TIME ORGANIZATION OF FICTION TEXTS

Peculiarities of functioning of grammatical and lexico-semantic temporal markers in prose are described in the article. The ways of representation of category of tense are presented as systems with complicated, hierarchical structure, possessing prognostic potential.

Key words: text, category of tense, temporal markers, system.

Bibliography:

1. Arutunova, N.D. Time: models and metaphors // Logical analysis of the language. Language and time. – М., 1997. – P. 51–61.
2. Bakhtin, M.M. Questions of literature and Aesthetics. – М.: Khudozhestvennaya Literatura, 1975. – P. 234–407.
3. Belousov K.I., Zelyanskaya N.L. Application of the method of graphic-semantic modeling in lingvomarketology // Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta. – 2005. – №8. – P. 40–46.
4. Belousov, K.I. Text: space, time, temporhythm: monograph. – Novosibirsk: Sibirskie ogni, 2005. – 248 p.
5. Vinogradov, V.V. The Russian language (grammar study of a word). – М.: Visshaya shkola, 1972. – 616 p.
6. Galperin, I.R. Text as an object of linguistic research. Edition 2^d. – М.: Editorial URSS, 2004. – 144 p.
7. Glas J., Stanley J. Statistical Methods in Education and Psychology. – М.: Progress, 1976. – 495 p.
8. Korbut, A.J. Tekstosimmetrika: Monograph. Irkutsk: Izdatelstvo Irkutskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta, 2004. – 200 p.
9. Lasitsa, L.A. About the relationship between temporal markers in Russian texts // Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta. – 2007. – №77. – P. 95–101.
10. Loseva, L.M. How a text is built. – М.: Prosveshchenie, 1980. – 94 p.
11. Peshkovsky, A.M. Russian syntax in a scientific light. – М., 1956. – 450 p.
12. Russian grammar. – М.: Nauka, 1982. – Vol.2. – 710 p. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://rusgram.narod.ru/>
13. Theory of Functional Grammar. Temporality. Modality. – Л.: Nauka, 1990. – 263 p.
14. Jakobson, R.O. About the structure of the Russian verb // Selected works. – М., 1985. – P. 210–221.